

Михаил КУРАЕВ

«СВЯЗНОЙ»

В аннотации, сопровождающей книгу Валентина Курбатова «Батюшки мои», приведены слова автора, рекомендующего себя читателям в качестве «человека, который остался на пороге между церковью и улицей».

Мне представляется эта рекомендация себя не только спорной, а бесспорно несправедливой. И быть может, можно было бы ее и не заметить, если бы она не вступала в противоречие и с образом жизни, и с образом мысли, и с миссией, исполненной Курбатовым в полной мере отпущенных ему сил.

Субъективное и объективное редко совпадают. Одно — что человек думает о себе, иное — чем он является в действительности. Да и какой мерой себя измеришь?.. А тут сказано явно поперек привычного нам самообольщения.

Едва ли Патриарх всея Руси Кирилл высказал бы слова соболезнования и напутствия в мир иной человеку, «оставшемуся на пороге церкви».

Едва ли и президент, глава нашего государства, нашел бы слова соболезнования и благодарности «человеку с улицы» за труд его жизни.

Мне видится в этой аннотационной саморекомендации Курбатова даже не штрих к автопортрету, а ироническое самоуничижение, звучавшее лейтмотивом, когда ему приходилось говорить о себе. А может быть, этот штрих к автопортрету рассчитан на тех, кто помнит евангельскую мерку: большой тот, кто меньше...

Еще не утихла боль от обухом ударившей скорбной вести, прозвучавшей 6 марта...

Еще невозможно свыкнуться с мыслью о том, что больше не услышишь его льющуюся речь, не будешь согрет его улыбкой, лукавой, ироничной, светлой... Не увидишь его легкую, почти как бег, походку, словно не хотел обременять своей тяжестью и без того безоглядно отягощенную Землю. Вот и *моцартовская беспечность*, обманчивая легкость в общении с людьми была и нежеланием, и неумением обременять собой, своими заботами и ближних, и дальних.

Мне кажется, что решительно все, кому посчастливилось знать Валентина, едины в одной мысли: ни день, ни час, проведенные рядом, вместе, не были будничными, тусклыми, обыденными...

Последние четверть века были прожиты, не теряя друг друга из поля зрения в эпистолярном, телефонном и живом общении, и, говоря его словами, общения этого обоим было *неутоляюще мало*. И все-таки, как мне кажется, я могу говорить об этом удивительном человеке с пониманием, пришедшим только сейчас, с пониманием его миссии, принятой на себя по естеству, по призванию, по предписанию Небес, если угодно...

Я видел его в глубокой скорби, когда мы потеряли соединившего нас Астафьева...

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». По сценариям М. Кураева снято 14 полнометражных фильмов («Сократ», «Господа присяжные...», «Раскол» и др.). Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Видел его мудрым государственным мужем рядом с президентом...

Хохотал, когда уже за кремлевскими стенами в мальчишеской радости он примерял упавшие на него, как он полагал, случайно лавры Государственной премии...

Курбатов так многогранен и многоцветен и при этом удивительно целен, что отважиться писать его портрет не возьмусь, но попробую сказать о том, что, быть может, позволит сохранить в нашей благодарной памяти роль, сыгранную им вдохновенно и безупречно.

Артистический талант Курбатова очевиден: он умел превратить в актерский дивертисмент, талантливо сыграть принятие пятидесяти грамм крепкого напитка или приобретение новых ботинок в обувном магазине Тулы... Его выступления гипнотически действовали на любую аудиторию. Исповедническая искренность, укоряющая точность мысли, неожиданность ассоциаций накатом волны накрывали слушателей, отрывали от приземленной будничности, поднимали...

А то, что способности Курбатова в актерском деле незаурядны, засвидетельствовано высшим авторитетом: в юные годы он был призван Тамарой Макаровой и Сергеем Герасимовым на их актерский курс во ВГИКе.

Судьба сложилась так, что он не стал актером (и слава богу!), он нашел свой путь, уникальный, неповторимый, единственный. Он стал драматургом, режиссером и артистом, сочинившим, поставившим и сыгравшим многоактную пьесу под названием «Курбатов. Жизнь и судьба».

В его статьях, дневниках, литературных монографиях сплошь и рядом встречаются страницы подлинно художественной прозы. С отменными пейзажами, озвученными птичьими перепевами, звоном пил и неистовыми хорами со скотных дворов. Я спрашивал Валентина (долгое дружество позволяет отступить от звучащего не всегда к месту имени-отчества), почему не пишет прозу. Вместо внятного ответа только слышал иронически уклончивые фразы.

А его талант тонкой кисти прозаика засвидетельствован множеством текстов.

Откройте «Дневник», разве это «дневниковая» запись: «Окно медленно синело, и сквозь незамерзший пяточок виден был угол конюшни и край деревни за прудом. И ветер ровно проносил неутомимый редкий снег, и даже на взгляд было холодно». Это из обширной записи 12 января 1998 года о вечере в доме Толстых в Ясной Поляне.

Или — вот. «18 сентября 1998 года. Дивногорск. Перед отъездом, после банкета, долго сидим с Кураевым на смотровой площадке у самой воды (над Енисеем. — М. К.) при призрачном свидетельстве той стороны — чуть читаемой, полной тайны и бесплотности, как рваный туман. Как будто скалы освещены одними звездами мелкими и холодными». Точка. О чем «долго сидим», неважно, картина без подписи.

Его «Дневник» совершенно не традиционен, это не краткие подневные записи. Это, скорее, «путевые заметки», зачастую весьма пространные. Это еще и хронограф, хроника частной жизни, но поскольку в эту жизнь входят события и люди, несущие на себе знак времени, эпохи, то, естественно, содержание этих свидетельств выходит за рамки частной жизни, обретает историческую ценность и под пером Курбатова еще и художественную. К примеру, 14 января 1998 года рассказ (невольно дневниковую запись повысил в ранге!) о конной прогулке с Владимиром Ильичом Толстым по окрестностям Ясной Поляны. Или 10 марта 1998 года рассказ о случайном Герое Советского Союза Ваньке Козлове и о том, как земляк Евгений Нечаев воевал под началом Кагановича (!), Жукова и Рокоссовского и каково воину досталось.

И все-таки, по моему убеждению, им создано замечательное художественное произведение — это сама его жизнь, она видится мне и как стилистически безупречный ро-

ман: «Человек своего времени». И едва ли случайны оброненные им слова: «самиздат жизни».

Да, он стал актером одной роли — талантливо и осмысленно, вдохновенно и по-моцартовски легко сыгравший самого себя, ни на кого не похожего...

Невозможно представить Курбатова в парике и гриме, произносящего чужие слова...

В нашем последнем телефонном разговоре 4 марта я прочитал ему укоряюще-снижидательное «мнение» Фомы Фомича Опискина о писателе Гоголе, «писателе легкомысленном», хотя у него и встречаются зерна. Посмеялись. И тут Валентин рассказал о своем желании сыграть Фому Фомича во всех накопленных за жизнь наградах. Как раз «Село Степанчиково» ставили во Пскове. Нет, сценическое актерство его миновало...

А как же фильм, где Валентин исполняет, не играет, одновременно и Моцарта, и Сальери? Так это Сальери и Моцарт взяли у Курбатова напрокат его неизменный сюртучок без воротника, а Валентин помог им приоткрыть глубины пушкинского текста. Будь моя воля, я включил бы этот фильм в программу обучения актерскому мастерству как образец глубокого и *неактерского* чтения классики.

Вот и в церкви Валентин Яковлевич исполнял чин чтеца, самый первый и низший чин посвящения. Но чтец не «на пороге церкви», он в ней, его голосом Священное Писание обретает для паствы проникновенную силу.

Он был, по моему убеждению, религиозен во всей *полноте* (любимое слово Курбатова!) этого понятия.

В современных словарях «религия» трактуется как форма общественного сознания, основанного на вере в сверхъестественное, что, в сущности, справедливо. Но при этом даже словарь иностранных слов не напоминает о том, что латинский первоисточник — *religio*: «обвиваю», «обвязываю», «запрягаю».

Религиозность Курбатова — это служение соединению людей, взаимосвязи культур, взаимопониманию народов, соединению Небесного и Земного...

И служение это он нес легко, не сторонясь сомнений, мучительных поисков ответа на проклятые вопросы...

Мы, представители двух разных Союзов писателей, познакомились в середине катастрофических 90-х, когда вся жизнь шла на разрыв, когда стервятники всех мастей почувствовали поживу, когда на смену мертворожденному «кодексу строителя коммунизма» из-под фальшивых декораций «демократических перемен» выглянул и стал нормой жизни возрожденный девиз раннего капитализма: «Человек человеку — волк».

Да лучше Курбатова об этом времени и не сказать: «...время за эти годы вело себя со злой легкостью уличной девки, меняя пристрастия и избранников, как будто на знамени ее было написано: „Вся жизнь — одна ли, две ли ночи...“ Да и все мы в этом времени заразились беглой поверхностностью и, может, впервые за историю России перестали слышать ее сердце, обманув себя, что и она сама бежит вместе с нами».

Он прав, бежали *дорогие россияне*, самые бойкие и хватистые, чтобы наброситься на богатства, дарованные природой и созданные трудом многих поколений. А бесконечно терпеливой России бежать некуда, лежала изнасилованная в ожидании врачей и лучшей участи...

Это у Салтыкова-Щедрина родители Порфиши («Дневник провинциала в Петербурге») мечтали «сделать из сына своего финансиста, которому впоследствии суждено будет возвыситься до идеи о всеобщем ограблении». Мечты сбываются, и мы воочию увидели этих *финансистов*, воплотивших заветную идею, но возвысившихся еще и до всеобщего духовного ограбления.

Если с финансовым ограблением Курбатов еще смириться мог, то духовное разорение новейших времен принял как вызов.

Можно сказать, что после свержения власти коммунистической партии жизнь распахнулась, открылась во всей своей пестроте, многообразии, в том числе и в многообразии скрытых до поры до времени конфликтов интересов. Жизнь лишилась видимой цельности и общего понимания направления движения.

На алтарь *свободы* были, как всегда, принесены несчетные жертвы.

Свобода обнаружила скрытую усилиями прежней власти разрозненность, разобщенность, все вылезло наружу и заявило о своих правах без ясного понимания, как этими правами пользоваться и как их сочетать с правами других.

Именно в этих исторических обстоятельствах труд сердца и ума Курбатова на поиск единства и цельности обретает особую актуальность и ценность.

С прошлым, как говорится, вдруг все стало ясно, минувшие семьдесят лет передовыми людьми были объявлены вне закона...

Стало легко говорить что угодно о прошлом, еще легче о будущем, но осталось самое трудное: видеть и понимать день сегодняшний в его притворстве, подмене понятий, надувательстве простодушных и лукавстве живущих *себе на уме*.

У Курбатова был особый дар, особое зрение и слух, дарованные ему природой и воспитанные богатой культурной традицией: способность слышать фальшь, в какое бы политическое, псевдохудожественное, притворно-религиозное тряпье фальшь эта ни пыталась спрятаться.

Каждая его статья, каждая книга, укоряюще точные, возвращали достоинство объявленным по нынешним временам старомодным и смешным понятиям: совесть, традиции, любовь к отеческим гробам, самостояние и честь. И здесь он находит опору и поддержку у тех, кто между собой были во многом не близки, но все вместе и составляли сокровищницу мировой и отечественной мысли, духовного опыта и культуры: Григорий Богослов и Василий Великий, Вольтер и Гёте, Леонтьев и Чаадаев, Федотов и Иван Ильин, Достоевский и Толстой, Астафьев и Распутин, Павич и Маркес...

В нем жило ощущение единства и целостности человечества в истории, культуре и предстоянии перед Высшим. Но если вера не только соединяла, но и порождала людскую рознь, то культура несла и несет сквозь время и пространство объединяющую миссию.

Вот тому свидетельство из «Подорожника», его целительного дневника: «Культура не знает возрастов — это только для удобства классификаторов мы делили ее, как историю, на античную, классическую, ренессансную и современную, а **внутри она течет себе единой рекой** (подчеркнуто мной. — М. К.), и Сафо в ней сверстница Ахматовой, а Катулл обнимает Петрарку, и они вместе братски кивают Пушкину».

В людях духовно близких его радовала, быть может, в первую очередь способность находить «связи, переклички культур и вер, времен и идей», способность угадывать «единство и цельность Божьего замысла мира».

Лишь избранным дано восчувствовать в своем сердце, а потом еще и усилием рассудка постичь единство мира.

И в его понимании главная загадка Пушкина — его целостность, которая и есть единственная тайна гения: «В нем нет случайного и пустого: все — жизнь, все — Бог, все — человек, все — «время незабвенное».

Впервые ступая апостольскими тропами Малой Азии, он мог рассказать самим экскурсоводам много для них нового о преданных забвению руинах. И говоря о неоромантизме Виктора Лихоносова, он тут же звал на помощь Шиллера и Новалиса. А описывая в дневнике осенний лес в родном Чусовом, находил поддержку у Нестерова и Ромадина, Юона и Грабаря...

Объем его знаний — тема интереснейшего исследования.

Когда он успел столько прочитать, когда успел столько узнать, впитать, сложить в цельное представление о назначении человека и степени во всякое историческое время соответствия этому назначению.

В апокрифическом «Откровении Авраама» рассказано о том, как ангел Альтез «восхитил» Авраама на небо и показал ему всю вселенную. Уж не повторилось ли что-то похожее с моим другом, иначе откуда же в нем эта высота духа, это чувство полноты бытия?

Именно сейчас, в то время, когда нас призывают предать проклятию наше прошлое, он находит в мировой истории и культуре, в нашем прошлом скрепы, которыми только и может сообщество превратиться в народ, нацию, человечество.

Едва ли случайно Валентин и облачение придумал себе «не по моде», почти пасторское: белая рубашка под черным прямого кроя сюртуком без ворота, прическа а-ля толстовский Филиппок... Но это к слову.

Он там, где народ сходится к общему алтарю: пятьдесят лет он участвовал в Пушкинских праздниках в Михайловском.

Не случайно именно он в середине 90-х был приглашен Астафьевым на «Литературные встречи в русской провинции», чтобы стать душой этих встреч, призванных противостоять как раз вражде и разброду в писательском стане.

И не случайно именно Валентин Курбатов стал духовным отцом и опорой Владимира Ильича Толстого в яснополянских писательских встречах, вот уже двадцать пять лет служащих сохранению великих заветов создателей отечественной одухотворенной культуры.

Вот и литературный фестиваль «Этим летом в Иркутске» он начинал вместе с иркутянами — издателем Г. Сапроновым и директором Иркутского драматического театра им. Охлопкова А. Стрельцовым, став его духовным вождем и непременным участником.

Religio — обвиваю, обвязываю...

Так уж сложилось, что Астафьев и Распутин, писатели высокой отечественной литературной традиции, классики современной русской литературы, создававшие, как много значат их труд и жизненная позиция для современников, в проклятые 90-е перестали понимать друг друга. Натянулась и порвалась нить, казалось бы, неразрывно их связывавшая... И тяжкий труд восстановления товарищеских отношений, преодоления непонимания взял на себя не кто иной, как Курбатов. Труд непростой и, увы, долгий... Лишь Марии Семеновне, вдове Астафьева, скажет Распутин, как и Астафьев, не терявший сердечной привязанности к Курбатову, слова сожаления об огорчительном раздоре, для преодоления которого уже оставался один шаг...

Откроем «путевой дневник» Курбатова, его «Подорожник», в нем полусотня имен замечательных представителей современной отечественной литературы, живописи, скульптуры, историков и знатоков искусства.

Именно в наше время не дать порвать, сохранить ткань национального самосознания под силу только человеку, оснащеному историческим знанием, глубоким знанием мировой культуры и отечественной, опирающейся на вековую православную духовную традицию. Этим высоким требованиям Валентин Курбатов отвечал в полной мере...

И православная церковь была его домом, где он жил, не тяготясь бременем монашеского послушания, и жизнь в миру ему была так же близка и мила, как подарок Небес...

Так он и жил, мудрый пастор и бедовый Филиппок, охочий до всякого знания, способного человеческий табор случайных попутчиков обратить в человеческое сообщество, идущее дорогой бескорыстной любви и светлого разума.